

Любой другой ребёнок, вероятно, рассмеялся бы над нелепостью этого письма, но не Гарри. Годами он искал, пробовал всё, что мог, чтобы понять, как ему удаётся творить невозможное, но так и не пришёл к логическому выводу. В его понимании это означало лишь одно: ответ, каким бы он ни был, должен был быть основан на чем-то нелогичном. Это письмо, возможно, больше, чем всё, с чем Гарри когда-либо сталкивался, точно подходило под определение "нелогичного". — Нелогичного? — пробормотал Гарри, делая глубокий вдох. Редкая искренняя улыбка расплылась по его лицу при мысли о магии и её возможностях. Возможно, ещё более захватывающей для него была идея школы-интерната. Десять месяцев без Дурслей! Он не собирался обманывать себя, думая, что заведёт друзей. Против этой идеи он не был, но многолетний опыт подсказывал ему, что такое маловероятно. — Никто никогда не воспринимал меня всерьёз, никто никогда не дружил со мной, — подумал Гарри. — Но ведь в Хогвартсе не будет твоего ужасного кузена, который всех распугает, правда? Эта мысль заставила его задуматься, но он безжалостно отогнал её. Он не стал бы искать друзей — это всегда заканчивалось катастрофой. Если по счастливой случайности ему удастся их приобрести, тем лучше, но он не хотел возлагать на них слишком большие надежды. Пожалуй, этого нельзя было сказать о первом годе его жизни. Единственное, что Гарри мог вспомнить из того первого года — по крайней мере, он полагал, что это был первый год его жизни — это ощущение чего-то мягкого, проходящего по его волосам, и странный зелёный свет, такой яркий, что он ослеплял. И, конечно, те два слова. Два слова, которые, как подозревал Гарри, могут иметь какое-то отношение к миру, в который он попал. — Авада Кедавра, — прошептал он, словно пробуя эти слова на вкус. — Первые два слова, которые я когда-либо знал. Гарри показалось странным, что он не мог вспомнить больше. Его память действительно была почти эйдетической. Он мог без труда вспомнить почти всё, что делал с момента своего появления на Тисовой улице, и даже смутно помнил тот первый день. Со временем его память становилась всё более яркой, настолько, что он мог с уверенностью сказать, что помнит всё, что происходило после его шестого дня рождения, в мельчайших подробностях. Гарри мог без труда вспомнить даже самые незначительные отрывки из огромных томов, которые он прочитал много лет назад. Одно из ранних воспоминаний, связанных с Дурслями, касалось вечеринки по случаю третьего дня рождения Дадли. Гарри попытался поправить фокусника, которого Вернон и Петуния наняли для развлечения, сказав ему, что его Абра Кадабра — это неправильно. — Ты был не прав, — строго сказал ему Вернон, и Гарри несколько дней не выходил из своего шкафа. Его не наказывали физически. В то время он был ещё слишком мал; это началось только в шесть или семь лет. Гарри горько усмехнулся при этом воспоминании, не упуская из виду иронию по поводу того, что сейчас он, вполне возможно, был прав в своей критике. Он не стал долго размышлять над этим. Он старался как можно меньше думать о Дурслях, даже находясь под их крышей. Вместо этого он выждал несколько часов, пока не счёл возможным тайком выбраться из шкафа и найти листок бумаги и перо. За свою жизнь он научился пробираться тайком, по крайней необходимости. Не успел он опомниться, как снова оказался в безопасности своего шкафа, с ручкой и бумагой в руках, и только тогда начал писать. — Уважаемая заместитель директора школы, — начал Гарри, аккуратно выписывая каждую букву. — Спасибо за ваше письмо. Я ценю ваше внимание и с удовольствием принял бы ваше приглашение, но есть несколько вещей, которые могут помешать мне это сделать. Я не знала о существовании ведьм и волшебников, пока не прочитала это письмо, поэтому не имею ни малейшего представления о том, как это сделать. Во-вторых, не вдаваясь в подробности, мои опекуны определенно не поддержат меня, если я отправлюсь в какую-нибудь школу-интернат. Если у вас есть решения по любому из этих вопросов, пожалуйста, напишите мне как можно скорее. Надеюсь увидеть вас первого сентября. Искренне ваш, Гарри Поттер. Потребовалось два черновика, но Гарри был вполне доволен тем, каким получился его конечный продукт. В нем были изложены все его проблемы без прикрас, но в то же время в нем не раскрывались факты, которые он очень хотел бы оставить при себе. Однако по завершении работы над письмом он пришёл к поразительному осознанию. — Я понятия не имею, как отправить

письмо, — пробормотал он, хмурясь. — Я понятия не имею, что означает "ждем вашу сову", и почему-то очень сомневаюсь, что почта доставит это послание в школу магии. Вздохнув, он перевернулся на спину, смирившись с тем, что завтра ему придется что-нибудь придумать. **2 июля 1991 г. Тисовая улица, дом 4***8:01 АМ**Гарри поставил перед тетей последнюю тарелку с едой и опустил на последний стул за столом. Ему предстояло убрать со стола и вымыть посуду, как только Дурсли закончат трапезу. Сегодня ничего не осталось, а значит, Гарри придется ждать до обеда, где тетя, скорее всего, даст ему кусок хлеба, или яблоко, или ещё что-нибудь в таком же количестве, чтобы хватило до ужина. К этому времени он должен будет приготовить достаточно еды для семьи и ещё немного для себя. Он немного нервничал, глядя на всех четверых напряженными зелёными глазами. Завтрак сегодня, как и накануне, был почти некачественным. Гарри ничего не мог с этим поделать, его мысли были заняты другими, куда более интересными вещами. Он успел отправить письмо, куда бы оно ни отправилось, когда на следующее утро на лужайке перед домом его поджидала сова. Существо быстро взяло письмо Гарри в клюв и улетело, заставив мальчика моргнуть и покачать головой, гадая, во что именно он ввязался в этом новом мире магии и тайн. — В любом случае, это не может быть хуже, чем то, откуда я пришёл, — успокоил себя Гарри, но ответ его весьма настораживал. Он очень сомневался, что его обманули. У него было какое-то шестое чувство на ложь, и он не думал, что это ложь. К тому же, как бы безумно это ни звучало для Гарри, это было лучшее объяснение того, как он мог сделать всё то, что сделал в своей жизни. Несмотря на это, он всё равно сильно нервничал. — Что, если сова просто прилетела с ответным письмом? — подумал он. — Я не успею передать письмо родственникам, а они уже будут знать, что именно я сделал. В больницу его забирали лишь однажды, после того как один из выговоров Вернона зашёл слишком далеко, но в этот раз, как подозревал Гарри, ему придётся провести там несколько ночей, если Дурсли узнают о том, что произошло за последние несколько дней. Из задумчивости его вывел громкий стук во входную дверь. Вернон, с набитым ртом французских тостов, хмыкнул и кивком велел Гарри открыть дверь. Тот послушно встал, бросив дяде короткий кивок, и направился к входной двери. В голове промелькнула мысль о молочнике, продавце или каком-нибудь другом представителе мира, знакомого ему с рождения. Но то, что предстало перед ним, превзошло все ожидания. В дверях стоял человек, ростом не меньше трех метров, шириной и толщиной, по меньшей мере, вдвое превосходящий обычного человека. Гарри, гордившийся своим самообладанием, на мгновение застыл, словно рыба, выброшенная на берег. С огромным усилием он стряхнул оцепенение, но слова все равно не находились. К счастью, гигант сам разбил ледяной панцирь молчания. — Черт возьми, Арри, как ты вырос за последние десять лет! Когда я видел тебя в последний раз, ты был мне как на ладони! — Гигант лучился, словно нашел давно потерянное сокровище. Наконец, Гарри, удивив даже самого себя, сумел обрести голос. — Э... сэр, не хочу показаться грубым, но... кто вы такой? Гигант захихикал. — О да, наверное, я выгляжу просто потрясающе, не так ли? — Он протянул массивную руку, которую Гарри пожал изо всех сил. — Меня зовут Рубеус Хагрид, но все зовут меня просто Агрид. Я хранитель территории и ключей в Хогвартсе. Вы, конечно, знаете все об Хогвартсе! — Не совсем, Хагрид. — Хагрид моргнул, выглядя растерянным. — А? — Я только сейчас узнал о Хогвартсе, — осторожно признался Гарри. — Я прочитал о нем в письме, но до этого письма мне никогда не рассказывали ни о Хогвартсе, ни о магии. Несколько секунд они стояли в неловкой тишине, которая, казалось, могла тянуться вечно. Но тишину нарушил, к ужасу Гарри, громогласный голос дяди. — Мальчик! Кто там у двери? Не задерживай их! — Услышав голос и манеру обращения к Гарри, Хагрид зарычал, как зверь, и, не говоря ни слова, протиснулся мимо Гарри, протаптывая себе дорогу в гостиную. — Сэр... Хагрид! — попытался остановить его Гарри, сердце бешено колотилось в груди. — Я не уверен, что это лучшая идея! — Но его крики остались без внимания. С ужасом Гарри медленно последовал за Хагридом в гостиную. — Доброе утро, — сказал дядя, наконец подняв глаза от журнала, — как мы можем... Но его слова застряли в горле, а рот раскрылся от удивления, увидев человека, стоящего перед ним. — Ты хочешь сказать, — прорычал Хагрид, голос его

дрожал от едва сдерживаемой ярости, а Дадли хныкал в углу комнаты, — что все это время ты не говорил мальчику НИЧЕГО?! — Последнее слово прозвучало как рык. Даже Вернон отшатнулся от ярости мужчины. Гарри тоже вздрогнул от ужаса, но Хагрид, стоявший к нему спиной, ничего не заметил. Он покачал головой, понимая, что ответа от Дурслей он не дожидается, и повернулся к Гарри. — Если они ничего не рассказали тебе о магии, то что же они рассказали тебе о твоих родителях? Задавая этот вопрос, Гарри почувствовал, как ужас сжимает его сердце еще сильнее. Он знал, что то, что он сейчас скажет, навсегда изменит его жизнь.

<http://erolate.org/book/3476/325684>